

ЭО, 2009 г., № 2

© Э. П. Бакаева

"ДВАДЦАТЬ КОПЕЕК – ЭТО СЕМЬДЕСЯТ ДЕНЕГ"

С понятием традиционной народной системы счета в сознании калмыков связываются термины, использовавшиеся практически до конца XX в. для счета денег. При этом термины приспособлены для счета копеек: счет на рубли в калмыцкой традиции не отличался от обычного счета.

Самым популярным обозначением, имевшим хождение до конца XX в., было понятие "далн мёнгн" ("70 денег"), которым обозначали монету в 20 коп. Монеты такого номинала использовались в обрядах, прежде всего как подарок, символизировавший пожелание долгой жизни: согласно калмыцкой традиции, век человека – 69 лет, или период, равный большому циклу в системе счисления в лунно-солнечном календаре восточного типа, поэтому пожелание дожить до 70 лет означало пожелание долгой жизни (с точки зрения астрологов, после 60 лет даже не следовало совершать обряд продления жизни в связи с достижением глубокой старости). Кроме того, монеты, и чаще всего именно 20-копеечные, использовали в качестве круглой формы металлического ("серебряного") изделия, считавшегося после "освящения" амулетом. С их помощью производили лечение или гадание. Популярность монет достоинством в 20 коп. в обрядах жизненного цикла обусловила упоминание "70 денег" в народных песнях: "Дайлн альчурин узурт далада мёнгн шаржгндг биля" – "В уголке платка, которым помахивала, позвякивала монета в 70 денег". И в настоящее время пожилые люди, вспоминая детские годы, упоминают "далада мёнгин чоколад" – "шоколадку стоимостью 70 денег", доступное в 1930-х годах лакомство, представлявшее собой маленький ломтик шоколада стоимостью 20 коп.

Но не только 20 коп. имели иное обозначение. Вся система счета была построена на пересчете номинала по "калмыцкому" курсу. Так, термином "17 денег" (около четвертой части от 70) обозначалась монета достоинством в 5 коп., 3 коп. в калмыцкой традиции именовались "арвн мёнгн" ("10 денег"), 2 коп. – "7 денег", 1 коп. – "3 деньги". Пропорциональное соответствие соблюдалось и в наименованиях других сумм: "88 денег" – 25 коп., "105 денег" – 30 коп., "210 денег" – 60 коп.¹

Однако иногда в терминах счета допускались незначительные расхождения. Так, согласно информации А. Джалаева, в калмыцком счете денег имелись следующие обозначения (Джалаев 1992): 5 коп – 15 мёнгн (денег); 10 коп. – 35 мёнгн; 15 коп. – 52 мёнгн; 20 коп. – 72 мёнгн; 25 коп. – 87 мёнгн; 30 коп – 105 мёнгн; 45 коп – 157 мёнгн; 50 коп. – орял арслнг (половина рубля); 60 коп. – 210 мёнгн; 70 коп. – 245 мёнгн; 80 коп. – 280 мёнгн; 90 коп. – 315 мёнгн; 1 рубль – нег арслнг (один рубль).

Как видно, в изложении А. Джалаева имеются отличия в обозначении 5 и 25 коп. Они незначительны, однако важен сам принцип приблизительного пересчета номинала: числа "калмыцкого" счета денег почти всегда в 3,5 раза больше, чем номинал монет.

Каковы истоки данной традиции счета денег? Чем обусловлен столь сложный пересчет мелких номиналов при денежных операциях? Четкое наличие пропорциональной зависимости показывает, что в качестве народной системы счета могла быть использована система, вышедшая из употребления в России в связи с денежной реформой.

Ельза Петровна Бакаева – доктор исторических наук, заместитель директора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Такая реформа, связанная с фиксированием ценности ассигнационного рубля, колебавшейся между 380–350 коп. за серебряный рубль и пересчетом курса "1 к 3,5", была проведена в России в 1839–1843 гг. министром финансов Е.Ф. Канкриным (1774–1845). Установив систему серебряного монометаллизма, Е.Ф. Канкрин ввел обязательный курс обмена: 3 руб. 50 коп. ассигнациями = 1 руб. серебром. Поэтапное проведение реформы включало сначала учреждение депозитной кассы (1839 г.), предназначенной для хранения серебряной монеты и выпускавшей депозитные билеты, обеспеченные рубль за рубль серебром. В 1841 г. было объявлено о выпуске новых денежных знаков (кредитных билетов Сохранной казны и Государственного заемного банка), которые имели хождение на всей территории империи наравне с разменной монетой. В 1843 г. вместо этих денежных знаков были выпущены государственные кредитные билеты, которые подлежали обмену на монету. Частным лицам обмен ассигнаций разрешили с 1844 г.; он продолжался до 1851 г., а обмен временных депозитных билетов – до 1853 г. (*Друян* 1941: 5–34).

Таким образом, во время реформы была принята крупная денежная единица – серебряный рубль, хотя именно во время реформы был возможен и иной путь – переход к более мелкой денежной единице. Реформа проводилась в течение достаточно длительного периода, когда расчеты производились как ассигнациями, так и денежными знаками, принимавшимися по обменному курсу. Подобная система "двойного" счета на протяжении более чем десятилетия не могла не коснуться большей части населения.

В период, предшествовавший денежной реформе, калмыцкое население (потомки тех, кто остался в прикаспийских степях после массового ухода в 1771 г. во главе с ханом Убаши на восток) все больше втягивалось в общероссийские экономические процессы. После ликвидации Калмыцкого ханства остатки его населения были разделены на девять улусов, включенных в Астраханскую губернию. Все в большей мере размер сборов владельцев улусов и аймаков, ранее устанавливавшийся в соответствии с количеством скота в хозяйстве скотоводов, в эти годы связывался с денежными взносами, хотя решение взимать вместо скота налоги деньгами принимал еще хан Дондук-Даши в 1745 г. – "по гривне с лошади, по алтыну с барана" (*Батмаев* 2002: 320). В целях борьбы с произволом владельцев, которые в первой трети XIX в. устанавливали размер денежного налога произвольно, в 1834 г. был установлен размер поквиточного сбора: с каждой кибитки взималось 28 руб. 50 коп. После реформы 1839 г. размер сбора был пересчитан, с каждой кибитки стали взимать 8 руб. 15 коп. серебром в год, причем из этой суммы полагалось 7 руб. 14 коп. владельцу улуса – нойону, 57 коп. – мелкому владельцу зайсангу, управлявшему аймаком, а 44 коп. – Астраханской губернской администрации на содержание управления калмыцким народом (*Очерки* 1967: 239).

Постепенному вовлечению калмыцкого населения в товарно-денежные отношения способствовали и другие факторы. С началом обустройства трактов (со второй половины 40-х годов XIX в.) на территории калмыцкой степи появились русские переселенцы, торговля с которыми постепенно расширялась. Таким образом, в условиях необходимости платить денежные подати и общения с русскими поселенцами калмыки, хозяйство которых было натуральным, постепенно втягивались в торговлю. В период осуществления реформы Е.Ф. Канкрин калмыцкое население, как и все население страны, было вынуждено вести "двойную арифметику". Однако утверждению представления о характерном для традиционного калмыцкого общества "старом" счете и новой системе, условно связывавшейся с "русской, российской" системой пересчета денег, способствовали и иные условия.

Период конца XVIII – начала XIX в. калмыковеды оценивают по-разному. Для одних исследователей это время окончательного сложения этноса, для других – один из этапов этнической истории калмыков (*Батмаев* 2002: 112). Но в истории культуры

калмыков сложение новой этнической структуры (изменились прежде всего соотношения основных групп) и переход к иной системе управления связаны с явлениями, которые могут считаться признаками нового этапа. Прежде всего следует назвать становление новой системы счета лет. В лунно-солнечном календаре, с которым предки калмыков были знакомы уже с XIII в., изменилась точка отсчета в большом 60-летнем цикле счета времени, и очередной цикл астрологами был начат с 1770/1771 г. – года металла-барса по лунно-солнечному календарю животного цикла (Бакаева 1997). Такой счет лет в календаре соответствовал восточной традиции, согласно которой "если хан умрет, то счисление лет их кончится, и паки новое начинается, когда новый хан вступит в правление" (*Шницер* 1715: 34).

Новый этап этнической истории, отмеченный новациями в системе летосчисления, стал, как нам представляется, связываться и с новой денежной системой счета, сменявшей предшествовавшую на протяжении почти двух десятков лет. Неудивительно, что память об иной системе счета денег на предыдущем этапе социально-экономического и этнического развития сохранилась в культуре этноса как народная традиция.

Именно на народной этимологии "калмыцкого счета денег" основаны высказывавшиеся в научной литературе предположения о символическом характере происхождения наименования "далн мёнгн/70 денег": рубль в представлениях калмыков якобы делился на 300 частей, соответственно чему пятая часть должна была называться именно данной суммой. Однако особая система счета денег, скорее всего, сложилась под влиянием успешной, причем поэтапной реформы, проводившейся в переломный для этноса период.

Кроме того, традиция счета денег, не отражающая номинальную стоимость монет, связана также с калмыцкой традицией табуации объектов счета.

Понятия исчисляемых и неисчисляемых объектов в калмыцкой культуре определяются наличием у некоторых групп предметов характерных черт. Они не совпадают с понятиями, обозначаемыми данными терминами в культурах других народов. Свойство исчисляемости в традиционных представлениях калмыков определяется как признак конечности, что обусловило появление запрета на счет таких объектов, как звезды, люди, домашние животные, пища. К исчисляемым предметам в традиционной культуре относилась, к примеру, одежда, по "завершении счета" которой, согласно народным представлениям, наступает смерть человека. Календарь был создан, согласно народному преданию, "для счета зимних дней", которые подлежали счету в отличие от летних (Семь звезд 2004.: 60). Понятием "амсхлян тоолх" (букв. "считать вздохи") обозначалось состояние при смерти (КРС 1977: 66); "месяцем, во время которого считают" ("тоолдг сар") в калмыцком календаре называется месяц перед наступлением весны.

Наряду с запретом на счет "неисчисляемых" объектов в обществе бытовали методы их счисления в особых условиях. Так, счет населения во владениях велся с определенной степенью точности и по "дымникам" (в буквальном обозначении, т.е. по числу деревянных круглых деталей кибитки, завершающих конусовидную крышу). Для начисления штрафов, которые в кочевом обществе не могли не быть связаны с основным богатством скотоводов, использовалась система счета девятками: девять – число, символизирующее богатство, в один "девяткок" включали разное количество овец, лошадей, крупного рогатого скота. Таким образом, наряду с десятичной системой счета "исчисляемых" объектов существовала иная система счета, использовавшаяся в качестве альтернативной, обеспечивавшей символическую защиту от действия свойства конечности.

Счет денежных средств, обретавших все большее значение в жизни скотоводческого населения Калмыкии, не мог не сопоставляться в традиционном сознании с естественным свойством их конечности. Специфические для этнической культуры методы освобождения (отстранения) от свойств конечности и исчисляемости предметов